

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна,
Потапенко Сергей Викторович

Цель: процесс институализации альтернативных способов разрешения юридических конфликтов наблюдается в российской юридической практике и в деятельности правотворческих и правоприменительных органов. Опыт расширения применения примирительных процедур на протяжении последнего десятилетия демонстрирует необходимость их внедрения в уголовный процесс. Деятельность примирителей не только снизит нагрузку на суды общей юрисдикции, но и позволит более качественно осуществлять уголовное преследование, минимизировать деструктивные последствия конфликта между потерпевшим и подозреваемым.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, статистический метод, формально-юридический метод, системный метод.

Выводы. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что сложились предпосылки для интеграции примирительных процедур в российский уголовный процесс. Анализ правового регулирования примирения в иных отраслях процессуального права, а также данные статистики, позволяют определить возможные варианты внесения изменений в уголовно-процессуальные нормы Российской Федерации.

Научная и практическая значимость. Проведенное исследование обозначает и развивает сложную и практически значимую проблему институализации примирительных процедур уголовного процесса: медиации, судебного примирения и иных вариантов примирения. Автор обосновывает необходимость введения и детального нормативного закрепления процедур примирения, правового статуса примирителей в уголовном процессе, ссылаясь на направления государственной политики в указанной сфере, на тенденции развития процессуального права и на недостаточную эффективность существующих в российском праве способов разрешения юридических конфликтов, направленных на их предотвращение и оптимальное завершение.

Ключевые слова: юридический конфликт, уголовно-процессуальный конфликт, уголовное преследование, примирение, медиация, медиатор, примиритель, восстановительное правосудие, судебное примирение, альтернативные способы разрешения споров, уголовное дело частного обвинения, внесудебные процедуры.

Правовое развитие современного российского государства идет по пути институализации и дальнейшей правовой регламентации альтернативных способов разрешения юридических конфликтов. Отрасль конфликтологии, которая изначально формировалась на стыке социологии и психологии, с конца XX в. получила активное развитие

в юриспруденции, когда был создан Центр конфликтологии РАН, организованный в 1991 г. по инициативе вице-президента Российской академии наук, известного правоведа, криминолога и конфликтолога Владимира Николаевича Кудрявцева. Под его редакцией вышел ряд значимых с точки зрения отечественной науки работ

(Юридическая конфликтология (М., 1994), Юридическая конфликтология: сферы и механизмы (М., 1994), Юридические конфликты: процедуры разрешения (М., 1995) [1, с. 213–214].

Несмотря на то, что в настоящее время Центр конфликтологии находится на стадии ликвидации по данным официального сайта РАН (См.: *Центр конфликтологии РАН* // URL: http://www.ras.ru/win/DB/show_org.asp?P=oi-861.in-ru (дата обращения: 09.03.2020)), научные исследования в области юридической конфликтологии уже носят масштабный характер и охватывают не только теоретические юридические науки, но и отраслевые. Более того научные изыскания уже воплощаются в юридической практике, так как в правовых нормах нашли отражение научные идеи и концепции.

Судебное разбирательство является одним из самых радикальных способов разрешения юридических конфликтов, характеризующихся конфликтным поведением сторон со стратегией соперничества. Данная стратегия поведения в конфликте относится к наименее продуктивным (по сравнению, например, с компромиссом, сотрудничеством).

Потерпевшие, как правило, являются инициаторами уголовного судопроизводства по совершенным в отношении них преступным деяниям. Цель потерпевших добиться уголовного наказания преступника и реального возмещения причиненного преступлением вреда [6, с. 252–261]. На практике возмещение ущерба, причиненного преступлением, позитивно учитывается во всех континентально-европейских юрисдикциях при назначении наказания (См.; Freund G., & Carrera E. G. (2006). *Strafrechtliche Wiedergutmachung und ihr Verhältnis zum zivilrechtlichen Schadensersatz. Zeitschrift Für Die Gesamte Strafrechtswissenschaft*, 118(1) // URL: <https://doi.org/10.1515/zstw.2006.003> (дата обращения: 07.04.2020)).

Вместе с тем последнее обстоятельство легло в основу распространившейся с начала 70-х годов XX века в странах англо-саксонского права Концепции восстановительного правосудия [9, с. 359–417], нацеленной, в первую очередь, на реальное возмещение жертвам преступления причиненного им вреда. Концепция восстановительного правосудия основана на том, что преступление — это не только нарушение закона, направленное против государства, но и прежде всего нарушение прав жертвы, личности. В парадигме восстановительного правосудия основным компонентом является не наказание, а примирение правонарушителя с жертвой и возмещение ущерба [4, с. 43].

О необходимости содействовать примирению сторон в судопроизводстве в целях сокращения количества рассматриваемых судами дел и улучшения качества отправления правосудия указано в Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R (86) 12 о мерах по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды, принятой в 1986 г. (См.: *Рекомендация № R (86) 12 Комитета министров Совета Европы «О мерах по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды»* (Вместе с «Примерами не относящихся к судопроизводству вопросов, от решения которых должны быть избавлены судьи в некоторых странах, с учетом конкретных особенностей каждой страны») (Принята 16 сентября 1986 г. на 399-м заседании представителей министров) // СПС «КонсультантПлюс»). Здесь предложено в качестве одной из основных задач возложить на судей обязанность добиваться примирения сторон и заключения мирового соглашения по всем соответствующим вопросам на любой стадии судебного процесса.

С сентября 2018 г. в России на уровне распоряжения Правительства РФ также закреплено понятие «восстановительное правосудие» как «новый подход к отпращиванию правосудия, направленный, прежде всего, не на наказание виновного путем изоляции его от общества, а на восстановление материального, эмоционально-психологического (морального) и иного ущерба, нанесенного жертве, сообществу и обществу, на осознание и заглаживание вины, восстановление отношений, содействие реабилитации и ресоциализации правонарушителя» (См.: *Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-р (ред. от 01.09.2018) «Об утверждении Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность»* // СПС «КонсультантПлюс»).

Таким образом, восстановительное правосудие представляет собой одну из форм разрешения конфликтов, альтернативную уголовному судопроизводству, направленную на возмещение ущерба жертве и примирение ее с преступником.

Хотя для многих людей открытый судебный процесс кажется более надежным, по сравнению, например, с медиацией, способом разрешения возникшего спора. Люди рассчитывают на помощь адвоката, полагая, что этот юрист использует свои юридические знания для решения их проблемы. Однако, сторонам конфликта следует

знать, что суды перегружены, а это влечет за собой длительные сроки рассмотрения не только гражданских, но и уголовных дел (например, дел частного обвинения).

В условиях сегодняшнего дня судебная власть активно взаимодействует со средствами массовой информации с целью формирования позитивного общественного мнения о судебной системе, повышения уровня доверия населения к судебной власти. Соответственно, судебное рассмотрение предполагает гласность как гражданского, так и уголовного процесса. При этом публичным достоянием может стать негативная информация не только о подсудимом, но и о потерпевшем, что может испортить его репутацию, особенно если это публичный человек.

Суд, как известно, непосредственно в процедуре медиации не участвует, даже тогда, когда медиация проводится в ходе уголовного процесса. Поэтому процедура медиации не носит гласный характер. Медиатор — не судья, он является не властным субъектом, а помощником, посредником между сторонами, он знает, как помочь сторонам погасить конфликт между ними, удовлетворив интересы обеих сторон.

Для снижения уровня конфликтности в обществе, ориентированном на ценности правового государства и гражданского общества, неизбежно обращение теории и практики к внесудебным процедурам разрешения споров (конфликтов). Это подтверждается актами, определяющими направления государственной политики.

Так, в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (*одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.*) упоминается, что развивающееся российское законодательство предусматривает широкое внедрение альтернативных методов разрешения спора (переговоры, посредничество, примирение и т.п.), которые в значительной степени восприняты из других правовых порядков. При этом до 2010 г. указанные внесудебные процедуры, по сути, не были детально регламентированы, присутствовали лишь некоторые упоминания о них в нормативно-правовых актах.

Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-р (ред. от 01.09.2018) «Об утверждении Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная

ответственность» направлено на внедрение инновационных для Российской Федерации механизмов предупреждения и разрешения конфликтов с участием детей и подростков, реагирования на правонарушения. При этом закрепляются медиативно-восстановительные способы и процедуры, дается определение понятия «восстановительного правосудия» как нового подхода к отправлению правосудия, суть которого не в наказании виновного путем изоляции его от общества, а в восстановлении материального, эмоционально-психологического (морального) и иного ущерба, причиненного потерпевшим, а также обществу и государству; в осознании и заглаживании вины; в восстановлении отношений; в ресоциализации правонарушителя.

В Методических рекомендациях по внедрению восстановительных технологий (в том числе медиации) в воспитательную деятельность образовательных организаций), содержащихся в Письме Минобрнауки России от 26 декабря 2017 г. № 07-7657 «О направлении методических рекомендаций» ставится задача регламентации и организации взаимодействия образовательных организаций с территориальными службами примирения/медиации для их привлечения к проведению процедур медиации и программ восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних в рамках воспитательной деятельности. В данном случае примирение и медиация отождествляются, что, на наш взгляд, является неверным, так как медиация — это лишь одна из примирительных процедур.

В Указе Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» в целях развития дружественного к ребенку правосудия предусматриваются «развитие сети служб примирения в целях реализации восстановительного правосудия; организация школьных служб примирения, нацеленных на разрешение конфликтов в образовательных учреждениях, профилактику правонарушений детей и подростков, улучшение отношений в образовательном учреждении».

Российское процессуальное законодательство в духе идеи расширения применения альтернативных способов урегулирования конфликтов претерпело определенную трансформацию. Если процессуальные кодексы в общем упоминали о возможности примирения сторон, о мировом соглашении, то с 2009–2010 годов наблюдаются существенные изменения. Первоначально необходимость в изменениях возникла в связи с принятием Федерального закона от 27 июля 2010 г.

№ 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

В результате Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ были внесены существенные изменения в кодификационные акты. В Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (далее КАС РФ) появились новеллы, связанные с определением перечня примирительных процедур, среди которых названы переговоры, посредничество, в том числе медиация, судебное примирение (ст. 137.3). Перечень примирительных процедур не является исчерпывающим. Ст. 137 указывает на принципы примирения: добровольность, сотрудничество, равноправие и конфиденциальность. В то же время ч. 1 ст. 137 определяет, что примирение может касаться только прав и обязанностей сторон как субъектов спорных публичных правоотношений и возможно в случае допустимости взаимных уступок сторон.

В гражданском процессуальном и арбитражно-процессуальном законодательстве первоначально упоминалось только примирение (без конкретизации процедуры) и его возможный результат — мировое соглашение, утверждаемое судом. С появлением Закона о медиации Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 194-ФЗ в нормах Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее ГПК РФ) закрепляется процедура медиации. Так, согласно ст. 150 при подготовке дела к судебному разбирательству судья «принимает меры по заключению сторонами мирового соглашения, в том числе по результатам проведения в порядке, установленном федеральным законом, процедуры медиации, которую стороны вправе проводить на любой стадии судебного разбирательства». А уже с помощью Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ ст. 150 вновь подверглась редактированию, в результате чего появилась обязанность судьи разъяснить существо и преимущества примирительных процедур, а также право сторон обратиться к судебному примирителю. В этом случае суд утверждает его кандидатуру. В ст. 153.3 ГПК РФ перечислены примирительные процедуры по аналогии со ст. 137.3 КАС РФ. Глава 14.1 ГПК РФ посвящена примирительным процедурам. В ч. 2 ст. 153.1 указаны те же принципы, что и в ст. 137 КАС РФ, но в отличие от КАС РФ нет условий, ограничивающих применение примирительных процедур, кроме руководства судьей интересами сторон и задачами судопроизводства.

Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ также были внесены изменения и в Ар-

битражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Глава 15 практически повторила главу 14.1 ГПК РФ указанием тех же примирительных процедур и принципов примирения.

Тем же законом от 26 июля 2019 г. были дополнены полномочия Пленума Верховного Суда Российской Федерации, который теперь утверждает Регламент проведения судебного примирения, а также на основе предложений кассационных судов общей юрисдикции, апелляционных судов общей юрисдикции, верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, судов автономных округов, окружных (флотских) военных судов, арбитражных судов формирует и утверждает список судебных примирителей. И завершением процесса реформирования становится принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения».

Таким образом, если до 2010 года продвижение идей внесудебного урегулирования конфликтов (споров) с помощью примирительных процедур носило фрагментарный, стихийный характер, то в настоящее время мы видим последовательное реформирование, целью которого является не только повышение качества правосудия за счет снижения загруженности судов, но и гармонизация отношений в обществе, развитие их в русле сотрудничества и взаимодействия.

Уголовный процесс не был до настоящего времени затронут активным внедрением примирительных процедур, хотя, как было уже указано, идеи восстановительного правосудия уже начинают получать оформление (пока только в отношении малолетних преступников). Примирение сторон в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (ред. от 27.12.2019, с изм. от 30.01.2020) (далее УПК РФ) упоминается лишь в двух статьях: ст. 20 и ст. 25.

Согласно ст. 25 УПК РФ суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ). Согласно ст. 20 прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон возможно по делам частного обвинения, которые возбуждаются только по заявлению потерпевшего, его законного

представителя (за исключением случаев с лицами, которые в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не могут сами защищать свои права и законные интересы).

Соответственно для примирения сторон в уголовном процессе требуется соблюдение ряда условий: во-первых, уголовное дело о совершении преступления небольшой или средней тяжести; во-вторых, уголовное дело о совершенном преступлении должно быть либо делом частного обвинения (ч. 1 ст. 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», ст. 116.1 «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию» и ст. 128.1 «Клевета»), либо делом публичного обвинения; в-третьих, уголовное дело не должно быть делом частно-публичного обвинения; в-четвертых, лицо должно примириться с потерпевшим и загладить причиненный вред, как моральный, так и материальный; в-пятых, наличие заявления потерпевшего или его законного представителя. Некоторые авторы предлагают свою трактовку примирения, указывая, что подозреваемый или обвиняемый должны признать свою вину, а потерпевший должен простить виновное лицо [2, с. 26]. Однако, на наш взгляд, это слишком расширительное толкование уголовно-процессуальных норм. Ни в УК РФ, ни в УПК РФ не сказано о признании вины и о прощении. Не вызывает сомнения тот факт, что примирение сторон иногда может представляться сторонам взаимовыгодным для обеих сторон конфликта: потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого).

Для потерпевшего создается возможность добровольного возмещения причиненного вреда, что означает возмещение ущерба, а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего. При этом способы заглаживания вреда, а также размер его возмещения определяются потерпевшим (См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс»). Для подозреваемого или обвиняемого прекращение уголовного дела в связи с примирением, хоть и является прекращением дела по нереабилитирующему основанию, однако позволяет избежать судимости, которая, по его мнению, реально ему грозит.

Примирение может происходить как при самостоятельном участии конфликтующих сторон, так и с привлечением третьих лиц, что не позволяет согласиться с мнением А.В. Гравицкого

и М.М. Коблевой, что медиация и примирение являются тождественными понятиями [2, с. 27].

Таким образом, примирение сторон может быть просто взаимовыгодным способом прекращения конфликта между потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым). В то же время согласно ст. 25 УПК РФ суд, следователь или дознаватель не обязаны, а вправе прекратить уголовное дело, а значит все-таки они должны убедиться в обоюдном и осознанном желании сторон прекратить дело в связи с примирением, а также в добровольности примирения. Пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ, подтверждая эту идею, указывает: «При разрешении вопроса об освобождении от уголовной ответственности судам следует также учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, включая особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет, наличие свободно выраженного волеизъявления потерпевшего, изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим, личность совершившего преступление, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание» (См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс»).

Появление в российском уголовном законодательстве нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением сторон свидетельствует о развитии более гуманных и вместе с тем действенных способов разрешения конфликтов, порождаемых преступлением. Правоприменительная практика показывает, что примирение с потерпевшим является эффективным инструментом современной уголовной политики.

Примирение с потерпевшим по делам публичного обвинения предусмотрено в двух кодифицированных актах: УК РФ (ст. 76) и УПК РФ (ст. 25). Согласно ст. 25 УПК РФ по определенным категориям дел следователь на стадии предварительного расследования и суд на стадии судебного разбирательства в случае примирения сторон вправе прекратить уголовное дело. Эта норма относится к случаям, если лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред (ст. 76 УК РФ). Кроме того, УК РФ содержит составы частного обвинения, по которым уголовные дела могут начаться не иначе как по заявлению потерпевшего (три со-

става — ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 128.1 УК РФ). По таким делам при примирении сторон дело прекращается в обязательном порядке.

Согласно буквальному толкованию ст. 76 УК РФ для того, чтобы лицо было освобождено от уголовной ответственности по рассматриваемому нами основанию, необходимо одновременное наличие двух обязательных (хотя и недостаточных) условий: его примирение с потерпевшим и заглаживание причиненного вреда потерпевшему [3, с. 346–357].

Как отмечают Д.В. Гордеюк и А.Ю. Беспалов, примирительные процедуры в уголовном судопроизводстве представлены не только примирением потерпевшего с подозреваемым (обвиняемым или подсудимым), но и процедурами, схожими с примирением сторон: назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа судом по собственной инициативе или по результатам рассмотрения ходатайства, поданного следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора (ст. 25.1 УПК РФ); заключение досудебного соглашения о сотрудничестве между подозреваемым, обвиняемым и органами следствия, органами дознания (гл. 40.1 УПК РФ) [7, с. 82–106].

Тем не менее УПК РФ нуждается в дальнейшем редактировании с целью четкой регламентации примирительных процедур в уголовном процессе. Особого внимания требует согласование различных правовых институтов путем упорядочения уголовного процесса с административным и гражданским процессами. Процедуры медиации и судебного примирения, которые были внедрены в АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ, на наш взгляд, необходимо интегрировать в УПК РФ.

Часть 2 ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в редакции уже не раз упоминавшегося Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ закрепляет, что закон о медиации распространяется на «отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений». По сравнению с первой редакцией перечень споров был расширен, что позволяет уголовно-правовые и уголовно-процессуальные правоотношения отнести к «иным публичным правоотношениям». Что ка-

сается судебного примирения, то утвержденный регламент упоминает, что он разработан для реализации положений КАС РФ, АПК РФ, ГПК РФ, однако это не исключает возможность введения института судебного примирения и в уголовный процесс.

В уголовном процессе необходимо регламентировать примирительные процедуры как для досудебной стадии (уголовное преследование), так и для судебной. Это будет соответствовать назначению уголовного судопроизводства, связанному с защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК РФ).

В настоящее время процедура примирения, применяемая судом, следователем или дознавателем, может иметь место на обеих стадиях. На наш взгляд, на досудебной стадии для ряда составов преступлений (например, для дел частного обвинения, а также по преступлениям, посягающим прежде всего на права и законные интересы конкретного лица) может оказаться эффективной медиация.

Как отмечает О.А. Малышева, «изучение российской правоприменительной практики показывает, что именно органы предварительного расследования главным образом обеспечивают возмещение обозначенного вреда» [5, с. 20]. При этом около 80% потерпевших не получают материального возмещения и моральной компенсации за причиненный преступлениями вред [8, с. 53–55]. Согласно данным судебной статистики за 2018 г. сумма ущерба от преступления, определенная по судебному акту, составляет 32 млн руб., сумма ущерба, присужденная к взысканию — 21,8 млн руб., сумма по исполнительным листам, выданным взыскателям — 7,6 млн руб., а сумма ущерба, признанная судом (мировым судьей) погашенной до вынесения судебного акта, составила примерно 7,3 млн руб. (См.: *Судебный департамент при Верховном Суде РФ / Данные судебной статистики // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 25.03.2020)*). Все это свидетельствует о необходимости проведения работы по разрешению конфликта между потерпевшим и преступником (вина которого еще не доказана в суде) отдельным лицом, обладающим профессиональными навыками примирителя, в том числе медиатора. Ведь следователь, как и дознаватель (орган дознания), отнесен уголовно-процессуальным законом к стороне обвинения, и должен в случае обнаружения признаков преступления принимать меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных

в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ), т.е. на них возложена обязанность уголовного преследования. Закон закрепляет три вида участников судопроизводства: суд, сторона обвинения и сторона защиты. Задача примирения сторон в уголовном процессе прямо не ставится ни перед одним из участников уголовного судопроизводства. На наш взгляд, тенденции развития современного законодательства, связанного с внесудебными процедурами урегулирования юридических споров, требуют введения в раздел II УПК РФ еще одной главы, касающейся примирителей (в том числе медиаторов), как участников уголовного судопроизводства.

Процедура примирения в том виде, в котором она имеет место в действующем УПК РФ, предположительно осуществляется адвокатами, которые не всегда могут быть заинтересованы в конструктивном прекращении конфликта на ранней стадии. Кроме того, техника осуществления адвокатской деятельности существенно отличается от техники примирителя или медиатора. Адвокат ориентирован на максимальную защиту одной стороны конфликта, он руководствуется в данном случае стратегией соперничества в конфликтном поведении. На наш взгляд, предложение сторонам обратиться к медиатору могло бы оказаться более эффективным. Но тут возникает проблема возможного давления медиаторов (которые, согласно закону, осуществляют свою деятельность в саморегулируемых организациях медиаторов) на стороны. Вероятно, целесообразно предусмотреть ведение реестра медиаторов, специализирующихся на разрешении конфликтов между потерпевшим и подозреваемым в уголовном деле. Развитие института медиации и введение его в уголовный процесс может потребовать создание самостоятельной нормативной

базы, регламентирующей деятельность медиатора по аналогии с адвокатурой.

Адвокатура является профессиональным сообществом адвокатов и (как институт гражданского общества) не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления. Организация медиаторов также может выступить как профессиональное сообщество медиаторов и институт гражданского общества, не входящий в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления. Данная организация, как и адвокатура, может действовать на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности, а также принципа равноправия медиаторов.

Что касается судебных стадий уголовного процесса, то здесь возможна разработка регламента для судебного примирения в уголовном процессе, который потребует тщательной и детальной проработки. Введение в уголовный процесс фигур посредника (медиатора) и судебного примирителя неизбежно поставит перед законодателем многочисленные вопросы по определению их места в уголовном процессе, их правового статуса. Возникнет проблема необходимости распространения на них института адвокатской тайны. Тем не менее, на наш взгляд, в ближайшем будущем произойдет интеграция примирительных процедур в уголовный процесс. Это объективно обусловлено тенденциями развития гражданского общества, необходимостью повышения качества правосудия, важностью восстановления отношений и прав сторон на основе сотрудничества и взаимодействия, стремлением снижения напряженности в конфликтах, а также уже начавшимся в этом направлении реформированием законодательства.

Литература

1. *Адыгезалова Г.Э.* Основные понятия социологической юриспруденции: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. 249 с.
2. *Гаврицкий А.В., Кobleва М.М.* Возможности медиации в уголовном процессе // *Мировой судья.* 2019. № 7. С. 26–29.
3. *Договор как общеправовая ценность: монография / В.Р. Авхадеев, В.С. Асташова, Л.В. Андриченко и др.* М.: Статут, 2018. 381 с.
4. *Карнозова Л., Максудов Р., Флямер М.* Восстановительное правосудие: идеи и перспективы для России // *Российская юстиция.* 2000. № 11. С. 42–44.
5. *Малышева О.А.* К вопросу о целесообразности применения института примирения сторон органами предварительного расследования // *Российский следователь.* 2019. № 7. С. 20–24.
6. *Потапенко С.В.* К вопросу о правовой природе, понятии и внутренней структуре гражданского иска в российском уголовном процессе // *Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы: Материалы Междунар. науч.-практ. конференции.* Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 252–261.

7. Примириительные процедуры в гражданском, уголовном и административном судопроизводстве Российской Федерации: научно-практическое пособие / Ю.Ф. Беспалов, А.Ю. Беспалов, Д.В. Гордеюк и др. Москва: Проспект, 2018. 128 с.

8. Тутынин И.Б. Предложения по совершенствованию организации применения мер процессуального принуждения имущественного характера // Российская юстиция. 2015. № 5. С. 53–55.

9. Griffiths J. Ideology in Criminal Procedure or a Third «Model» of the Criminal Process. *Yale Law Journal*, 1970, vol. 79, pp. 359–417.

References

1. Adygezalova G.E. Osnovnye ponyatiya sociologicheskoy yurisprudencii: Monografiya [Basic concepts of sociological jurisprudence: Monograph]. Krasnodar, Kubanskij gos. un-t Publ., 2017. 249 p. (In Russian)

2. Gavrickij A.V., Kobleva M.M. Vozmozhnosti mediacii v ugovnom processe [Possibilities of mediation in criminal proceedings]. *Mirovoj sud'ya [Justice of the Peace]*, 2019, no. 7, pp. 26–29. (In Russian, abstract in English)

3. Dogovor kak obshchepравovaya cennost': Monografiya [Contract as a general legal value: Monograph]. V.R. Avhadeev, V.S. Astashova, L.V. Andrichenko. Moscow, Statut Publ., 2018. 381 p. (In Russian)

4. Karnozova L., Maksudov R., Flyamer M. Vosstanovitel'noe pravosudie: idei i perspektivy dlya Rossii [Restorative Justice: Ideas and prospects for Russia]. *Rossiyskaya yusticiya [Russian Justice]*, 2000, no. 11, pp. 42–44. (In Russian)

5. Malysheva O.A. K voprosu o celesoobraznosti primeneniya instituta primireniya storon organami predvaritel'nogo rassledovaniya [On the issue of suitability of using the institute of conciliation of parties by the preliminary investigation authorities]. *Rossiyskij sledovatel' [Russian Investigator]*, 2019, no. 7, pp. 20–24. (In Russian, abstract in English)

6. Potapenko S.V. K voprosu o pravovoj prirode, ponyatii i vnutrennej strukture grazhdanskogo iska v rossijskom ugovnom processe [On the issue of the legal nature, concept and internal structure of a civil suit in the Russian criminal procedure]. In *Sudebnaya reforma v sovremennoj Rossii: rezul'taty, problemy i perspektivy: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii [Judicial reform in modern Russia: results, problems and prospects: Materials of the international scientific practical conference]*. Ed. A.V. Semencov. Krasnodar, Kubanskij gos. un-t Publ., 2020, pp. 252–261. (In Russian)

7. Primiritel'nye procedury v grazhdanskom, ugovnom i administrativnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii: Nauchno-prakticheskoe posobie [Conciliation procedures in civil, criminal and administrative proceedings of the Russian Federation: a scientific and practical guide: Textbook]. YU.F. Bespalov, A.YU. Bespalov, D.V. Gordeyuk. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 128 p. (In Russian)

8. Tutynin I.B. Predlozheniya po sovershenstvovaniyu organizacii primeneniya mer processual'nogo prinuzhdeniya imushchestvennogo haraktera [Proposals for improving the organization of the use of measures of procedural coercion of a property nature]. *Rossiyskaya yusticiya [Russian Justice]*, 2015, no. 5, pp. 53–55. (In Russian)

9. Griffiths J. Ideology in Criminal Procedure or a Third «Model» of the Criminal Process. *Yale Law Journal*, 1970, vol. 79, pp. 359–417.